

Монастыри Московской епархии во время Отечественной войны 1812 года

Война 1812 года, охватившая в той или иной степени все сословия русского общества, затронула даже тот слой населения, который в силу специфики своего положения был максимально удален от земной жизни — русское монашество. Впрочем, несмотря на провозглашенные идеалы аскетизма, полного отречения от мира у монастырей никогда не было. Они сохраняли многостороннюю связь со светским обществом, которая, как правило, усиливалась в военное время. Особенно ярко это проявилось в эпоху Отечественной войны 1812 года, при этом наиболее интересна судьба монастырей, находившихся на территории, захваченной неприятелем, и прежде всего — монастырей Москвы и Московской епархии. В изучении проблемы, на наш взгляд, немаловажное значение имеет не только непосредственная деятельность монашества, внесшего определенный вклад в организацию ополчения и сохранение культурного достояния России, но также отношение Великой армии к православным святыням. Непонимание завоевателями менталитета русского народа и неуважение к его национальным традициям создали благоприятную почву для широко развернувшейся антинаполеоновской проповеди Русской Православной Церкви, результатом чего явилось всенародное движение сопротивления, носившее во многом религиозный характер.

При подготовке сообщения использовались материалы Российского государственного исторического архива (РГИА), Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ). Большое значение для раскрытия темы имели мемуары участников событий (прежде всего иноческие воспоминания), опубликованные в исторических журналах («Русский архив», «Русская старина» и др.), а также в книге Т. Тольчовой «Рассказы очевидцев о двенадцатом годе» (М., 1912).

Историографию проблемы можно (условно) разделить на четыре группы. Первую группу составляют издания справочного характера. Это прежде всего работы Л. И. Денисова «Православные монастыри Российской империи» (М., 1908) и Амвросия (Орнатского) «История Российской Иерархии» (М., 1807-1815. Ч. 1—VI). Ко второй группе относятся «Исторические описания...» отдельных монастырей, составленные во второй половине XIX в. историками (И.Е. Забелиным, И.Д. Дмитриевым, И.М. Снегиревым, И.Ф. Токмаковым) или священнослужителями (как правило, настоятелями монастырей). В третью группу входят немногочисленные обобщающие исследования по истории монастырей. Это фундаментальный труд И. К. Смолича о русском монашестве, вышедший в 1952 г. в Германии и переведенный на русский язык в 1997 г.ⁱ, а также монография П. Н. Зырянова «Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века»ⁱⁱ, где жизнь московских монастырей во время пребывания в городе Великой армии показана очень ярко и интересно в главе «Времена военного лихолетья». И, наконец, четвертую группу составляет обширная литература, посвященная Москве в 1812 г., а также истории города и его окрестностей. Однако многие работы подобного рода носят искусствоведческий или краеведческий характер, поэтому интересующая нас проблема не получила в них серьезной разработкиⁱⁱⁱ. Исключение составляют труды бывшего секретаря Московской духовной консистории Н. П. Розанова^{iv}, где на основе архивного материала показан ущерб, нанесенный Великой армией церквям и монастырям Москвы.

Свою задачу автор данного материала видит в том, чтобы показать непосредственную деятельность монашества во время войны 1812 г., а также рассмотреть и проанализировать события, происходившие в монастырях Московской епархии во время неприятельского нашествия.

Итак, накануне Отечественной войны в Московской епархии насчитывалось 45 православных монастырей — 33 мужских (в том числе два приписных^v) и 12 женских. Из них 24 монастыря располагались на территории Москвы, пять мужских монастырей (Новоспаский, Симонов, Донской, Заиконоспасский и Воскресенский Новоиерусалимский) находились на положении ставропигиальных, т. е. состояли в непосредственном ведении Святейшего Синода. Остальные являлись епархиальными — ими управлял местный архиерей (митрополит Московский Платон). Помимо деления на ставропигиальные и епархиальные монастыри различались также как штатные и заштатные. Первые получали пособие от казны, вторые существовали за счет пожертвований верующих и доходов от имущества. Штатные монастыри разделялись на три класса соответственно сумме казенных пособий и престижности. Однако, несмотря на эти различия, все монастыри были составной частью системы институтов Русской Православной Церкви и подчинялись верховной власти Святейшего Правительствующего Синода и Российского императора. Поэтому в начале войны в соборных храмах всех монастырей, так же как и в приходских церквях страны, прозвучали слова манифеста императора Александра I (от 6 июля) о созыве народного ополчения, а также изданного как бы в параллель и соответствие Высочайшему манифесту воззвания Святейшего Синода, который объявлял о «неправедных и не христолобивых намерениях врага» и призывал духовное сословие научить «всех словом и делом не дорожить никакойю

собственностью, кроме веры и Отечества»^{vi}.

25 июля 1812г. император Александр I утвердил доклад Святейшего Правительствующего Синода, приглашавший епархиальных архиереев, монастырских настоятелей и прочее духовенство к пожертвованию на создание ополчения деньгами, серебряными и золотыми вещами (лежавшими без всякого употребления). Уволиться в ополчение (по желанию) из лиц духовного сословия разрешалось только причетникам, детям священно- и церковнослужителей и семинаристам (не выше риторического класса)^{vii}. Монашество, в силу своего положения, не могло принять непосредственного участия в вооруженной борьбе, но на призыв собрать средства, необходимые для ее организации, монастыри Московской епархии откликнулись довольно активно.

Пожертвования монастырей Московской епархии на создание народного ополчения^{viii}

Монастыри	Деньги (руб.)		Изделия и слитки		Прочее
	ассигнации	серебро	серебро	золото	
Богоявленский			1 пуд 15 ф. 6 зол.		
Вознесенский			1 пуд 30 ф. 71 зол.		
Воскресенский Новый Иерусалим	400		2 пуда 32 фунта 15 зол.	2 фунта 11 зол.	
Высокопетровский			23 фунта 27 зол.		
Данилов	3350				
Донской	10500 ^{ix}		1 пуд 11 ф. 37 золотн.		
Ивановский	150				
Никола-Перервинский	1000		36 фунтов 43 зол.		
Новоспаский			3 пуда 6 ф. 20 зол.		
Покровский	1000				
Свято-Троицкая Сергиева лавра	72460	2500	5 пудов 20 фунтов 20 зол.		
Симонов			2 пуда 44 зол.		
Спасо-Андрониев	1060		11 фунтов 22 зол.		
Страстной					110 бинтов и 1 холст, простынь
Итого	89920	2500	19 пудов 27 фунтов 17 зол.	2 фунта 11 зол.	110 бинт. 1 холст, простынь

Можайский Лужецкий Ферапонтов монастырь пожертвовал 2000 руб. в пользу больных и раненых воинов русской армии, за что получил личную благодарность М. И. Кутузова^x.

С приближением линии фронта к Москве неизбежно встал вопрос о спасении церковных ценностей. 24

августа вышел указ императора Александра I из Святейшего Синода об уборке и приготовлении к отъезду церковных и ризничных драгоценных вещей^{xi}. Архиепископ Августин, осуществлявший тогда фактическое управление Московской епархией (по причине старости и болезни митрополита Платона), понимал, что делать это нужно очень осторожно, чтобы избежать взрыва народного возмущения (подобного восстанию 1771 г. во время эпидемии чумы, когда был убит Московский архиепископ Амвросий). Москвичи действительно ревностно следили за наличием в городе православных святынь, на помощь которых они надеялись в то страшное время. По свидетельству графа Ф. В. Ростопчина, жители города устраивали добровольные ночные дозоры с целью удостовериться в том, что чтимые Московской святыне иконы не увезены^{xii}. Чтобы не смущать народ, преосвященный Августин, разрешив убирать в безопасные места ризницы, запретил трогать в церквях внешние украшения. Что касается особо почитаемых в Москве икон — Иверской и Владимирской Божией Матери, то они находились в городе вплоть до его сдачи. Августин вывез их только в ночь с 1-го на 2-е сентября, получив от графа Ф. В. Ростопчина известие об оставлении Москвы, а также распоряжение императора о срочной эвакуации этих икон во Владимир. Вывоз драгоценной утвари из ризниц монастырей и соборов начался накануне решения военного совета. 30 августа Московский губернатор прислал на архиерейское подворье 300 подвод, значительная часть которых была послана преосвященным в монастыри (прежде всего в те, которые не имели собственных конюшен). 31-го вечером в Кремле собрались подводы с сокровищами из ризниц большинства московских монастырей: Чудова, Вознесенского, Заиконоспасского, Богоявленского, Новоспасского, Данилова, Донского, Златоустова, Знаменского, Новодевичьего, Покровского, Крестовоздвиженского, Высокопетровского и Ивановского^{xiii}. Здесь же находились драгоценности трех загородных монастырей (Никола-Перервинского, Саввино-Сторожевского и Николаевско-Угрешского), заблаговременно привезенные в Москву их настоятелями^{xiv}. Получив благословение преосвященного Августина, 1-го сентября на рассвете подводы отправились в Вологду. Руководство обозом было поручено архимандриту Заиконоспасского монастыря Симеону. Спасо-Андрониев, Сретенский и Симонов монастыри вывезли свое имущество в Юрьев-Польский, Казань и Коломну^{xv}. Никитский, Алексеевский, Зачатиевский, Страстной, Георгиевский, Рождественский и Николаевский греческий монастыри из-за спешки и недостатка подвод вообще не смогли эвакуировать свои ценности^{xvi}. Поэтому их прятали на местах: зарывали в землю, поднимали под своды соборов. Настоятели многих монастырей уехали из Москвы вместе с вывезенными драгоценностями. Вместо них остались наместники. Монахам было разрешено покинуть город. Некоторые ушли в другие монастыри или к своим родственникам, однако многие предпочли остаться, чтобы разделить участь своих святых обителей.

2-го сентября Великая армия вступила в Москву. Время оккупации стало страшным испытанием для монастырей, пострадавших как от неприятелей, так и от разбушевавшегося в городе пожара. В зоне последнего оказалось несколько святых обителей, при этом Никитский и Георгиевский монастыри сгорели почти полностью; в Новоспасском, Спасо-Андрониев и Зачатиевском от огня серьезно пострадали некоторые храмы; в Симонове, Богоявленском, Знаменском, Алексеевской и Ивановском сгорели кельи и некоторые другие здания. Многие уцелевшие от пожара монастыри стали местом постоянного пребывания французских воинских частей.

3-го сентября Великая армия получила официальное разрешение грабить, и многие ее представители дали выход своим самым низменным инстинктам, за что получили от местных жителей меткое определение — *беспардонное войско*^{xvii}. В это время неприятели побывали на территории всех монастырей и почти все они были разграблены. Мародеры интересовали прежде всего драгоценности, украшавшие священные предметы. Они сдирали с икон серебряные оклады, собирали лампады, кресты. В поисках спрятанных сокровищ грабители нередко взламывали в храмах полы. Ограблению подвергались и монахи: у них отбирали сапоги, теплое платье, рубашки. Во многих монастырях монахов нещадно избивали, чтобы узнать, где спрятаны церковные сокровища. Некоторые из них от побоев скончались (например, иеромонах Знаменского монастыря Павел^{xviii}, священник Георгиевского монастыря Иоанн Алексеев^{xix}). На территории Новоспасского монастыря был похоронен священник церкви Сорока святых Петр Вельмянинов, мучительно убитый неприятелями за то, что не отдал им ключи от своего храма. Его били прикладами, кололи штыками и саблями. Всю ночь он пролежал на улице, истекая кровью, а утром проходивший мимо французский офицер пристрелил его. По свидетельству очевидца, рассказавшего эту историю, неприятели потом три раза раскапывали его могилу — видя свежую землю, они, видимо, думали, что там зарыт клад^{xx}.

От грабежа оккупанты часто переходили к прямому осквернению русских святынь. Так, в Спасо-Андрониев, Покровском, Знаменском монастырях французские солдаты кололи на дрова иконы, лики святых использовали как мишени для стрельбы. Не довольствуясь монашескими кельями неприятели в качестве жилых помещений часто использовали храмы, при этом престолы и жертвенники употреблялись вместо столов, а в алтарях стояли кровати. Некоторые церкви Заиконоспасского, Покровского,

Новоспасского, Симонова, Крестовоздвиженского, Донского, Рождественского и других монастырей были превращены в конюшни. В алтаре соборного храма Чудова монастыря находилась канцелярия маршала Даву, а в Екатерининской церкви Вознесенского — хлебопекарня.

Наибольшему осквернению со стороны врагов подвергся Высокопетровский монастырь, где оккупанты устроили скотобойню, а соборный храм превратили в мясную лавку. Очевидец пребывания французов в Москве (в то время — ученик Славяно-греко-латинской академии), проходя мимо монастыря с ужасом увидел, что монастырский погост покрыт спекшейся кровью, а в соборе на паникадилах и на вколотенных в иконостас гвоздях висят куски мяса и внутренности животных^{xxi}.

Из многонациональной армии Наполеона только греческие части не участвовали в разграблении монастырей, так как видели в русских монахах своих единоверцев. Впрочем, среди французов и поляков тоже иногда встречались люди, которые относились к православным святыням если не с уважением, то, во всяком случае, с осторожностью. Так, по словам монахини Новодевичьего монастыря Антонины, начальник остановившихся в их обители солдат Задэра «греха боялся»^{xxii}. Осматривая монастырь, он посоветовал убрать серебряный крест, Евангелие и другие ценные вещи, пояснив на ломаном русском языке: «Французска солдата вора». По свидетельству монахов Данилова монастыря, квартировавшие у них французы часто заходили в церковь: все осматривали, но ничего не трогали. Один офицер, увидев перед иконой свечу, потребовал себе такую же, но от образа не велел брать. Узнав, что в монастырь должен прибыть отряд конной артиллерии, офицеры предупредили священника: «Это люди нечестивые» и предложили спрятать все ценное. При этом они даже помогли зарыть в землю церковные вещи, а приехавшим артиллеристам пришлось ограничиться обдиранием раки князя Даниила и снятием одежд с престолов^{xxiii}.

В некоторых монастырях (Новодевичьем, Рождественском, Зачатиевском, Страстном) французы разрешили возобновить богослужения. В Новодевичьем они даже выделили священнику необходимое для службы красное вино и муку для просфор, запретив при этом читать молитву «о победе на супостаты».

Своим личным посещением Наполеон «удостоил» Новодевичий и Донской монастыри. Эти обители он, по-видимому, рассматривал как стратегические объекты. По его приказу в Новодевичьем французы разместили батарею, а стены монастыря укрепили окопами, для чего стоявшую рядом с монастырем церковь Иоанна Предтечи взорвали.

Из загородных монастырей неприятели побывали в четырех: Николо-Перервинском, Николаевско-Угрешском, Можайском Лужецком Ферапонтове и Саввино-Сторожевском. Первые два пострадали сравнительно мало: все наиболее ценное было вывезено накануне. Поэтому утрата Николаевско-Угрешского монастыря ограничилась преимущественно истощением съестных запасов. В Николо - Перервинском французам не повезло даже с этим — оставшуюся здесь муку и подсолнечное масло монахи надежно спрятали. Можайский Лужецкий монастырь был разграблен и осквернен. Свидетелем поругания является хранящаяся здесь икона святого Иоанна Предтечи со следами от ножа — французы рубили на ней мясо^{xxiv}. Удивительна судьба Саввино-Сторожевского монастыря, где во время войны произошло поистине чудесное событие, которое стало известно в России с 1839 г. после посещения ее герцогом Максимилианом Лейхтенбергским — сыном вице-короля Италии Евгения Богарне. Отец рассказал ему, что во время пребывания в монастыре ночью к нему в келью (то ли во сне, то ли наяву) пришел старец в черных одеждах и сказал: «Не вели войску своему расхищать монастырь и особенно уносить что-нибудь из церкви. Если исполнишь мою просьбу, то Бог тебя помилует, и ты возвратишься в свое Отечество целым и невредимым». Утром принц Евгений пошел в церковь и в одном из образов узнал своего ночного посетителя. На его вопрос, чей это портрет, монахи объяснили, что это святой Савва, основатель монастыря. Евгений Богарне распорядился запечатать и опечатать храм и вскоре увел свой корпус из монастыря^{xxv}. Верность предания подтверждается тем, что в соборной церкви разрушений практически не было. Однако в целом монастырю все же был нанесен определенный ущерб. Особенно пострадали находившиеся на его территории дворец царя Алексея Михайловича и Царицыны палаты. После ухода неприятелей от их интерьера почти ничего не осталось: кровать царя Алексея Михайловича была сожжена, дорогие кресла ободраны, зеркала разбиты, печи сломаны, редкие портреты Петра Великого и царевны Софьи похищены. Известно, что в Саввино-Сторожевском монастыре оставался также 3-й кав. корпус генерала Груши. Возможно, что разрушения были сделаны этой воинской частью.

В иноческих воспоминаниях иногда встречаются сведения о защитниках православных святынь из среды мирян. Так, крестьянин Алексей Ревягин, увидев, что французский солдат укладывает в свою повозку серебряную ризу с иконы Спасителя из соборного храма Николо-Перервинского монастыря, сначала хотел отобрать ее, но, поняв, что силы неравны, попробовал обмануть грабителя, что получилось весьма успешно. Громко смеясь, он показал сначала на медные пуговицы своего кафтана, а затем — на снятую ризу. Мародер, подумав, что принял медь за серебро, выбросил похищенное. Крестьянин подобрал ризу, спрятал в своем доме, а после ухода неприятелей вернул ее монастырю^{xxvi}. Штатные служители Симонова монастыря одного из грабителей убили.

Несмотря ни на что, к врагам, оказавшимся в тяжелом положении, монахи относились по-христиански: в Новодевичьем монастыре заболевших французских солдат лечили, а в Рождественском делились с голодными оккупантами своей скудной пищей. Рассказывая об этом,

одна из монахинь пояснила: «Ведь захотят, так сами все возьмут, опять же жаль их сердечных, не умирать же им голодною смертью, а шли ведь они на нас не по своей воле»^{xxvii}.

Уходя из Москвы, французы пытались взорвать некоторые монастыри (Новодевичий, Рождественский, Алексеевский), но монахам удалось вовремя потушить огонь и тем самым спасти свои обители.

Ущерб, нанесенный московским монастырям неприятельским нашествием, был огромен. На исправление монастырских зданий было затрачено более 500 тыс. рублей. Многие иконы и редкие книги безвозвратно погибли. Крестовоздвиженский, Георгиевский и Ивановский монастыри (как наиболее пострадавшие) были упразднены и превращены в приходские храмы (в 1859г. Ивановский был возобновлен как монастырь). После войны рассматривался также вопрос об упразднении Никитского монастыря, однако он был восстановлен на частные пожертвования.

В заключение хочется отметить, что события, происходившие в московских монастырях, получили во время войны широкий резонанс и, несомненно, повлияли на усиление партизанского движения. Несмотря на весь свой военный гений, Наполеон не смог понять главного: нельзя воевать с народом великой страны, особенно — не зная его истории и не уважая его ценностей и традиций. «Дубина народной войны», сыгравшая значительную роль в истреблении Великой армии, блестяще доказала это в 1812г.

Примечания

ⁱ Смолич И. К. Русское монашество, 980-1917. Жизнь и учение старцев. М., 1997.

ⁱⁱ Зырянов /Т.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М., 1999.

ⁱⁱⁱ Забелин И.Е. История города Москвы. М., 1905; Москва в ее прошлом и настоящем. М., 1912. Т. 1-12; Бураков Ю. Н. Под сенью монастырей московских. М., 1991; Сорок сороков. М., 1992. Т. 1—3; и др.

^{iv} Розанов И.П. История Московского епархиального управления со времени учреждения Святейшего Синода. М., 1871. Ч. III. Кн. 2; *Он же*. Московские святые в 1812 году. М., 1912.

^v Спасо-Вифанский и Махрицкий монастыри были приписаны к Свято-Троицкой Сергиевой лавре.

^{vi} РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 627. Л. 15.

^{vii} Там же. Д. 634. Л. 9-10.

^{viii} Там же. Д. 1031. Л. 315-319; ЦИАМ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 5331. Л. 3-4, 10; Московское дворянство в 1812 году. М., 1912. С. 400-401, 434-435.

^{ix} Два билета из сохранный казны Московского Воспитательного дома стоимостью по 5000 руб. каждый и 500 рублей ассигнациями из личных сбережений архимандрита Иоанна.

^x ЦИАМ. Ф. 574. Оп. 1. Д. 202. Л. 6 (об).

^{xi} Там же. Ф. 421. Оп. 1. Д. 5331. Л. 21.

^{xii} Записки графа Ф. В. Ростопчина // Русская старина. Т. 4. С. 718.

^{xiii} РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 810. Л. 1; ЦИАМ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 5331. Л. 24; Дмитриев И. Д. Московский первоклассный Новоспасский ставропигиальный монастырь в его прошлом и настоящем. М., 1909. С. 21; Снегирев И. М. Покровский монастырь, что на Убогих домах в Москве. М., 1863. С. 32.

^{xiv} РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 810. Л. 1; Исторический очерк Николаевско-Угрешского общежительного мужского монастыря. М., 1872. С. 40.

^{xv} Историческое описание Московского Спасо-Андроникова монастыря. М., 1865. С. 75; Историческое описание Московского Симонова монастыря. М., 1843. С. 22; Розанов И.П. Московские святые в 1812 году... С. 30.

^{xvi} Розанов И. П. История Московского епархиального управления.. С. 25-27, 32; *Он же*. Московские святые в 1812 году... С. 34.

^{xvii} См.: Толычова Т. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. М., 1912.

^{xviii} Розанов И. П. Московские святые в 1812 году... С. 33.

^{xix} Там же. С. 35.

^{xx} Дмитриев И. Д. Указ. соч. С. 23.

^{xxi} Розанов И. П. Московские святые в 1812 году... С. 32.

^{xxii} Толычова Т. Указ. соч. С. 13.

^{xxiii} Розанов И. П. История Московского епархиального управления... С. 24.

^{xxiv} Можайский Лужецкий второклассный Ферапонтов монастырь Московской епархии. М., 1902. С. 7.

^{xxv} Русский архив. 1870. № 6. С. 1161-1166.

^{xxvi} Исторический очерк Николо - Перервинского монастыря. М., 1886. С. 42.

^{xxvii} Толычова Т. Указ. соч. С. 131.